

Идея нейтралитета в проекте "новой Европы" на Венском конгрессе 1814-1815 гг.

Автор: Л. Г. Березовая

Березовая Лидия Григорьевна - доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

После Наполеоновских войн начала XIX в. наступило время переустройства Европы. От Вестфальского мира 1648 г. до начала XIX в. международные отношения строились в зависимости от мощи отдельных национальных государств. Сила армии, экономики, флота определяла положение государства на европейской арене. При всей своей революционной роли Наполеон, по сути, предпринял последнюю масштабную попытку построить европейский мир под эгидой одного государства, одного комплекса идей, "принуждая к миру" другие нации при помощи военной силы.

После крушения наполеоновской империи рухнула и общеевропейская система, основанная на могуществе одного государства. Но лишь немногие понимали, что полная реставрация старого режима не удастся ни в Европе, ни даже во Франции. Большинство политиков и дипломатов того времени были склонны считать Наполеона каким-то внезапно налетевшим ураганом, который, к счастью, окончился, и теперь следует, убрав обломки и починив разрушенное, зажить по-прежнему. Тем не менее, желание построить, "мир Европы" на новых прочных основаниях высказывали буквально все. Ни один из монархов, образовавших антинаполеоновскую коалицию (кроме Людовика XVIII), не говорил о возвращении к старым порядкам. Однако понимание "новой Европы" оказалось чрезвычайно разным. В среде победителей Наполеона выявилось три рода воззрений, исходя из которых, державы решали все сложные вопросы.

Руководивший внешней политикой Австрии К. Меттерних отрицал "необходимость какого-либо общего начала и твердого плана для устройства судеб и взаимных отношений европейских народов" - все должно было решаться, исходя из конкретных обстоятельств, в результате искусства дипломатических интриг и соглашений. Ф. Ф. Мартенс, выдающийся русский дипломат и историк, называл такую позицию "принципом случайности". Позиция Меттерниха и его влияние были чрезвычайно сильны еще и потому, что такой способ решения международных споров был привычен для европейских политиков. К тому же дипломатический гений Меттерниха демонстри-

стр. 119

ровал самые головокружительные комбинации при достижении своих целей. Представитель России в Вене в 1814 г. Г. О. Штакельберг с досадой писал статс-секретарю К. В. Нессельроде: "...без князя Меттерниха здесь невозможно что-либо предпринимать... пока этот министр останется на своем посту, политика венского двора будет по меньшей мере двусмысленной"¹.

"Принцип легитимности" предложил другой дипломатический гений XIX в. - министр иностранных дел побежденной Франции Ш. -М. Талейран. Учитывая водворение Бурбонов на французский трон, легитимность таила в себе возвращение к старым порядкам. Однако монархам Европы трудно было что-либо возразить против этого принципа, поскольку они сами только что свергли "узурпатора", вернув "законного монарха" Людовика XVIII. Манипулируя

"принципом легитимности", Талейрану удалось добиться немалых уступок для побежденной Франции, вернув ее в "европейскую семью".

Наиболее идеологизированную систему воззрений представляли на Венском конгрессе 1814 - 1815 гг. прусский министр Штейн и Александр I. Российский император имел, хотя и довольно смутный, но принципиальный план устройства "новой Европы" как "великой европейской семьи"². Прусский король Фридрих-Вильгельм III и его министр ограничивались декларативной поддержкой Александра I во имя "великой цели сохранения мира", поскольку были более озабочены проблемами Пруссии, нежели "устроением европейского дома"³.

Еще в разгар войны с Наполеоном в сентябре 1813 г. Александр I добился подписания союзными державами концептуального документа - Союзного трактата, который подводил идеологическую и правовую базу под систему соглашений и договоренностей, придавая им форму цельного проекта "европейской семьи" - то, о чем мечтал Александр I. Страны, "одушевленные желанием положить конец бедствиям Европы и обеспечить в ней будущее спокойствие восстановлением точного равновесия между державами...", неминуемо должны были решать общие для всей Европы проблемы⁴, а не ограничиваться возмещением собственного ущерба от войны.

Зрелое выражение этой точки зрения содержалось в инструкции императора от 13 мая 1815 г., адресованной заграничным миссиям России. Александр I считал, что европейская война начала XIX в. должна привести к полнейшему перевороту в политической системе Европы. Основой "европейской семьи" предполагались нравственные устои христианства, уважение ко всем народам, культурам и религиям - именно в этом виделась прочность новой международной системы. На первый план выходили новые факторы международной политики: "сила общественного мнения", "дух времени", а сама политика ставила перед лидерами стран новую задачу: "изучать и сообразовываться с нравственным положением различных народов" в "великой европейской семье" ("la grande famille Europeenne"). Позиция российской делегации накануне и в период Венского конгресса была так насыщена идеологией и общими принципами, что английский представитель лорд Р. Каслри иронически называл предложения России "новым русским международным кодексом"⁵.

В различии представлений победителей о посленаполеоновской Европе крылась причина ожесточенных споров, закулисных интриг и тайных соглашений, которые сотрясали первый в истории Европы международный конгресс. Казалось, что в решении многих вопросов возобладал способ "случайного дипломатического результата" Меттерниха, и взаимные интриги часто определяли принимаемые решения. По итогам первого этапа Венского конгресса руководитель внешнеполитического ведомства России Нессельроде выражался весьма резко. Все отклонения от "принципов императора" он объяс-

нял так: "Недостойное поведение австрийского министерства, происки Франции, неуместная зависть Англии и, наконец, колебания прусского кабинета вызвали отступления от этого плана"⁶. Однако Российский монарх, уступая в частностях, участвуя в интригах, поражая дипломатическими уловками, вместе с тем обладал столь блистательной и притягательной идеологией новой Европы, что против нее открыто не решился выступить никто. Европа пережила слишком большую "встряску" - от Великой Французской революции до Наполеоновских войн, - чтобы просто вернуться к прежнему положению дел.

В чем же состоял проект "новой Европы" Александра I и в чем он расходился с позицией других участников Венских соглашений? Союзные лидеры надеялись восстановить в Европе

"политическую систему, способную обеспечить независимость государств и нерушимое спокойствие народов". Принципиальное отличие проекта российской дипломатии по обустройству "новой Европы" состояло во введении в этот проект нового элемента - нейтралитета независимой Швейцарии, бывшей прежде сателлитом наполеоновской Франции. Эта позиция оформилась не сразу. Первоначально для Швейцарии виделось две возможности: либо "действовать заодно с державами коалиции", либо занять позицию "полного нейтралитета". Российское внешнеполитическое ведомство считало предпочтительным и первоочередным первый вариант. В инструкции, которую направил статс-секретарь К. В. Нессельроде представителю России в Швейцарии И. А. Каподистрии 29 октября 1813 г., говорилось: "Было бы желательно добиться присоединения этой нации к политической системе и добровольного ее содействия великим военным предприятиям, от которых зависит спасение Европы". Однако при этом подчеркивалось условие добровольности и "самого большого уважения к ее конституции"⁷. Присоединение Швейцарии к антинаполеоновской коалиции рассматривалось в качестве основной задачи. И лишь в случае ее очевидной невозможности Каподистрии разрешалось переходить ко второй цели - нейтралитету Швейцарии⁸. Надо сказать, что в условиях осени 1813 г. влияние Наполеона и угрозы с его стороны были еще слишком сильны, чтобы выдвигать нейтралитет его бывшего союзника на первый план.

Каподистрия прибыл в Швейцарию осенью 1813 г. под видом частного лица с паспортом на имя негодянта Жана Конти. Но никаких интриг в связи со своим инкогнито он не планировал. 15 ноября 1813 г. он отправил ландману Швейцарии Г. Рейнгарду письмо с уведомлением об истинной цели своего приезда и о причинах его конспиративности, назвав свое настоящее имя и полномочия. Важное значение миссии Каподистрии в Швейцарии подчеркивалось и личными инструкциями самого императора. В декабре 1813 г. Александр I, обеспокоенный воинственной позицией Австрии по отношению к Швейцарии, в письме к Каподистрии напомнил о своем предварительном разговоре с ним и по пунктам изложил свою принципиальную позицию относительно Швейцарии. Во-первых, он утверждал: "В мои намерения всегда входило не беспокоить Швейцарию, уважать ее нейтралитет...". Во-вторых, Александр I отдавал решение вопроса о судьбе страны в руки самих швейцарцев: "...побудить швейцарцев к решению вопроса о судьбе новых кантонов... избегать любого вмешательства в решения...". Каподистрии предлагался самый осторожный способ действий: "установить сношения с лицами, наименее заинтересованными в старой политической системе", "довести до сознания благонамеренных людей в Швейцарии то, с каким участием я отношусь к подлинному благополучию их страны. Я хочу, чтобы Швейцария принадлежала только себе..."⁹.

стр. 121

Уже через неделю после получения письма от императора Каподистрия отослал ему свой первый доклад о положении дел в Швейцарии, где начал работу Федеральный сейм, обсуждавший будущее государственное устройство страны. Сопrotивление "трех аристократических кантонов" и амбициозность бернского правительства заставляли сомневаться в скором решении внутривполитических проблем. На первый план для России тогда вышла проблема статуса Швейцарии на международной арене как единого государства, провозгласившего "вечный нейтралитет" условием своего участия в "европейской семье".

Каподистрия развернул активную деятельность по принятию новой конституции Гельветической республики. Российский посланник участвовал в обсуждении и редактировании конституций кантонов, исходя из принципа, что "ни один город и ни одна партии не должны иметь привилегий", что гармония между кантонами возможна только на основе "мудрого равенства прав". Он посещал разные кантоны, особенно "проблемные": Берн, Фрибур, Арговию, Санкт-Галлен, Тичино, Тургау. Граф Каподистрия тесно общался со швейцарским публицистом, историком, философом и политиком Шарлем Виктором де Бонштеттенем. В российских архивах сохранилось несколько адресованных ему писем. К этому времени Каподистрия уже был официально аккредитован в качестве полномочного министра России при

Федеральном сейме. В конце апреля 1814 г. он докладывал Александру I: "Нам удалось сгладить все трудности исключительно путем убеждения" и прийти к принятию Федерального пакта, что означало конституирование Швейцарской Конфедерации как самостоятельного государства и субъекта международных отношений¹⁰. На этом этапе государственного строительства потребовалось "единодушное содействие союзников", но роль России оставалась исключительной. Каподистрия предлагал статс-секретарю Нессельроде заявить от имени России и всех союзных стран, что "независимость страны будет гарантирована только в том случае, если она будет базироваться на принятом сеймом федеральном пакте" и что только в этом случае представитель Швейцарии займет свое место на Венском конгрессе европейских держав¹¹.

В тот же день председатель швейцарского сейма Г. Рейнгард писал Александру I: "В.и. в-во (Ваше императорское величество - Л. Б.) оказал на судьбу Швейцарии столь благотворное влияние, которое только может желать оказывать на свободное государство великодушный монарх... Вы сделали для нас еще больше, соблаговолив с тем же интересом заняться политической реорганизацией нашего государства. Посланник, достойный представлять в.и. в-во, не устает трудиться с нами для достижения этой цели"¹². Рейнгард, ландаман Швейцарии в 1813 г., затем бургомистр кантона Цюрих позже представлял Швейцарию на Венском конгрессе, что означало международное признание Конфедерации. После оформления Швейцарской Конфедерации как субъекта международных отношений и принятия федеральной конституции на очередь дня встал вопрос о роли страны в системе "европейской семьи", то есть вопрос о нейтралитете.

Истоки нежного отношения Александра I к Швейцарии лежали в его юношеских впечатлениях от общения с воспитателем Ф. -Ц. Лагарпом. Но и в зрелом возрасте, уже расставшись со своим учителем, Александр не терял с ним духовной связи. Известный деятель швейцарской истории Лагарп писал своему венценосному воспитаннику в 1814 - 1816 гг., как вести себя с Пруссией и Австрией, словно российский император оставался его учеником, а не венценосным победителем Наполеона, которого славил вся Европа. В письме из Вены от 8 - 9 ноября 1814 г. Лагарп советовал пойти на уступки в незначительных вопросах, чтобы добиться еще больших уступок от своих

союзников. В результате, по мнению автора письма, "Вы приобретете еще большее влияние на дальнейший ход переговоров". Лагарп подробно анализирует для Александра I тайные и явные интересы его оппонентов и ни слова не пишет о своей родине, полностью полагаясь в решении ее проблем на своего воспитанника: "Выслушайте, государь, эти размышления так же, как прежде выслушивали многие другие. Они исходят от сердца человека, ежно привязанного к Вам. От Вашего верного Лагарпа"¹³. Другое письмо, написанное две недели спустя, также полно дипломатических советов и даже набросков документов для российской делегации на конгрессе. Но неожиданное предложение в конце письма посетить какие-нибудь литературные учреждения или музеи в Вене выдает нежную привязанность и желание встречи с бывшим воспитанником.

Можно сказать, что Швейцария была юношеской любовью императора Александра и своего рода воплощенной надеждой на возможность действительного устройства общества на основах свободы, просвещения, христианской нравственности. Отчаянная борьба по вопросу о Польше на Венском конгрессе не помешала Александру I пристально следить за ходом решения вопроса о Швейцарии. По его инициативе в январе 1815 г. была составлена подробнейшая инструкция представителю России на Венском конгрессе А. К. Разумовскому и посланнику России в Швейцарии Каподистрии по всем вопросам устройства Швейцарии: территория, финансы, таможенные пошлины, амнистии и др. По вопросу о Швейцарии его позиция была чрезвычайно

твердой, и Каподистрия докладывал государю о своем решительном заявлении князю Меттерниху и герцогу Веллингтону, что "невозможно предложить в в-ву нечто совершенно противоречащее истинным интересам Швейцарии"¹⁴.

Отношение Александра I к Лагарпу как к своему учителю в какой-то мере переносилось и на его родину, у которой российский император также готов был учиться. В разгар европейских событий 1814 - 1815 гг., в гуще дипломатических интриг Венского конгресса в октябре 1814 г. Александр вдруг запрашивает Каподистрию о подробностях обучения в школе просветителя Ф. -Э. Фелленберга в Гофвиле. Каподистрия немедленно связался с Фелленбергом, передав ему просьбу императора об описании его школы. К посланию педагогу было приложено личное письмо Александра I, который говорил о своем интересе и внимании к "полезным роду человеческому трудам" просветителя. Каподистрия составил для императора подробное описание плана обучения в школе Фелленберга, который складывался из "обучения земледелию, воспитания в вере и нравственности, обучении разным наукам". В заключение письма сообщалось о пожаловании Фелленбергу ордена св. Владимира. Александра I интересовала стратегическая цель таких методов обучения, которые должны были преодолеть в общественной жизни "забвение веры и презрение к нравственности", "эгоизм богачей... невежество и грубые нравы бедных...". Возражая тем, кто опасался революционного воздействия просвещения, Каподистрия цитировал самого Фелленберга: "человеческий род не иначе может достигнуть своего предназначения, как посредством образования, ума и нравственности, на вере основанного..."¹⁵.

Александр I интересовался также школой И. -Г. Песталоцци, основанной еще в 1806 г. в кантоне Во. Он полагал, что система обучения, базирующаяся на труде, свободе и христианской морали, способна преобразить все общество. "Рассматривая некоторые гельветические кантоны как практическую школу нравов и их педагогические и сельскохозяйственные заведения в качестве лучших из тех, что могут предложить иностранные государства...", император предписывал расширить обучения россиян в педагогических заве-

стр. 123

дениях Швейцарии с тем, чтобы они освоили педагогическую систему Фелленберга и Песталоцци. Он озаботился изданием работ Песталоцци в России и сам подписался на его книги на 5 тыс. рублей - огромные по тем временам деньги. Тронутый таким вниманием швейцарский педагог даже написал благодарственное письмо российскому императору, выражая надежду, что "ваши государства более пригодны, чем иные... руководствоваться в воспитании своей юности сутью простых психологических принципов"¹⁶.

Интерес императора к системе образования в Швейцарии вовсе не противоречил его дипломатической и политической деятельности. Уроки истории Европы последних десятилетий заставляли искать новые факторы развития страны в культуре и просвещении. Изменение системы воспитания юношества входило обязательным условием в его план общественного "переустройства". В этом отношении опыт швейцарских просветителей был ему близок и по собственным юношеским воспоминаниям. В начале 1816 г. император через министра иностранных дел Нессельроде распорядился расширить российское представительство в Швейцарии, учредив там церковь и библиотеку.

Император Александр I, находясь в зените своей европейской славы, строил планы переустройства России и Европы на новых началах справедливости, братства, права и христианской морали. Он готовился "дать Конституцию" России и предлагал для достижения этой цели воспользоваться услугами известного философа И. Бентама¹⁷. Его серьезность в подходе к обустройству "европейской семьи" видна в проекте акта о Священном союзе европейских монархов. В текст, составленный российским императором, австрийский

император Франц внес весьма симптоматичные правки, предлагая опустить слова: "порядком, основанным единственно на высоких истинах", "на будущие времена" и ряд других. Но предложенные Александром понятия европейского "единого народа христианского", "единого семейства" Европы и управления на принципах "святой веры", по "заповедям любви, правды и мира" остались в документе как памятник первой в истории Европы попытки обосновать общие принципы европейского мира¹⁸. Александр согласился с правками Франца I, поскольку они "ни в коей мере не затрагивают цели и истинного смысла этого акта"¹⁹. Затем три монарха: Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III написали письмо принцу-регенту Великобритании Георгу с приглашением присоединиться к их союзу, чтобы "укрепить связующие нас узы, объединив все христианские народы в одну единую семью..."²⁰.

Поиски новых идеологических оснований европейского мира объединяли союзников на Венском конгрессе, несмотря на огромные расхождения по частным вопросам и политические интриги. Превосходный рационализм Просвещения, покоривший культуру XVIII в., казался слишком связанным с "узурпатором", и европейские монархи искали иных, иррациональных оснований политики.

Само решение о созыве конгресса было принято на неофициальной встрече министров и монархов в Лондоне. К назначенной (по настоянию Александра I) дате открытия конгресса 1 октября 1814 г. Вена превратилась в столицу освобожденной Европы. Столь исключительной концентрации знаменитостей и титулов (2 императора, 2 императрицы, 4 короля, 2 наследных принца, 3 великие герцогини, 215 князей, 450 дипломатов) Европа еще не знала. Кроме того, в столицу Австрии съехались светские дамы, блестящие офицеры и светские "львы", журналисты, артисты, художники, авантюристы всех мастей... Вена пела, танцевала, развлекалась... и решала сложнейшие вопросы посленаполеоновского "устройства" мира. Беспрецедентным был сам

стр. 124

факт общеевропейского форума, обсуждавшего устройство нового "европейского дома". Каждая деталь новой конструкции становилась принципиально важной, в том числе и идея "вечного нейтралитета" вновь образованного государства Швейцарии.

Поскольку "Гельветическая республика" 1798 - 1803 гг. была создана при помощи революционной Франции, Швейцария первоначально воспринималась союзниками как ее сателлит. По этой причине в Вену первоначально приехали только "главные" державы антинаполеоновской коалиции, а представитель от Швейцарии приглашен не был. На подписание первого Парижского мира в апреле 1814 г. в столицу Франции приезжал дипломатический представитель кантона Женева дипломат Шарль Пиктет де Рошмон, поскольку решался вопрос о границах. Еще весной 1815 г., в тревожные "сто дней" Наполеона в ответ на принятие сеймом Федерального пакта Венский конгресс 8 марта 1815 г. подписал декларацию о создании Швейцарской Конфедерации из 22 кантонов. С этого момента Швейцария фигурировала на конгрессе как самостоятельное единое государство. В преамбуле этого документа державы признавали, что "для пользы общей нужно Союзу гельветическому доставить выгоды всегданнего нейтралитета"²¹. К концу Венского конгресса в ноябре 1815 г. тот же Ш. -П. Рашемон и представитель кантона Цюрих Г. Рейнгард уже представляли не только свои кантоны, но и всю Швейцарскую Конфедерацию.

На конгрессе работала специальная комиссия по Швейцарии, которая решала два вопроса: об определении границ Швейцарии и Франции и о политическом статусе "нейтрального государства". Безумно сложный вопрос о границах государства, расположенного на стыке Франции, Австрии и Германских княжеств, решился в целом довольно безболезненно и привычно. Определяя границы швейцарских кантонов, победители "скруглили границы" и сгладили небольшие взаимные претензии. А вот проблема "вечного нейтралитета" потребовала

своего идеологического обоснования и серьезных усилий дипломатии. Тревога участников Венского конгресса по поводу позиции Швейцарии во время триумфальных "ста дней" Наполеона ускорила решение территориальных вопросов и проблемы международного статуса страны. В эти тревожные для Европы дни Каподистрия писал поверенному в делах в Швейцарии барону Крюденеру: "Правительства новых кантонов, в особенности кантона Во, совершили бы очень серьезную ошибку, если бы пренебрегли принятием энергичных мер к поддержанию у себя полнейшего спокойствия... следует опасаться, как бы бернскому правительству благодаря интригам не удалось увлечь кантоны Во и Аарау на путь роковых заблуждений..."²². Нейтралитет Швейцарии в это время действительно не соблюдался.

В заключительном Акте Венского конгресса 1815 г. - "Во имя Пресвятой и Неразделимой Троицы" - союзные державы ввели в один общий договор самые важные договоренности, которые определяли конфигурацию "новой Европы". Статья LXXIV Акта гласила: "Целостность и неприкосновенность девятнадцати кантонов швейцарских... признаются основанием гельветического союза"²³. Вместе с принятием заключительного Акта конгресса в составе итоговых документов 8 ноября 1815 г. союзниками был подписан Акт о "гарантиях постоянного нейтралитете Швейцарии и неприкосновенности ее территории". Подписание второго Парижского договора и ссылка Наполеона на о. св. Елены окончательно "закрыли страницу" прежней Европы, и нейтралитет Швейцарии стал необходимым элементом нового "европейского дома" во имя "пользы европейской политики". Акт подписали представители Австрии, Франции, Великобритании, России, Португалии и Пруссии²⁴.

стр. 125

Заключительный акт конгресса подписали 8 государств (Россия, Австрия, Великобритания, Испания, Португалия, Пруссия, Франция, Швеция), а в течение последующих пяти лет к ним присоединилось еще 33 государства. Таким образом, образованный на конгрессе Священный Союз объединял 41 страну Европы. Это было первое в истории крупное международное объединение. Никогда до того момента страны Европы не объединялись по столь абстрактной мотивации: для мира и спокойствия Европы, "во имя господя всемогущего". Были заложены основы международного права, основные механизмы и правила дипломатической работы, налажены постоянные контакты монархов и государственных структур. Основным принцип состоял в равновесии сил, международном арбитраже, решении общих вопросов путем переговоров. В секретном протоколе Аахенского конгресса Священного союза в 1818 г. подтверждалось, что "союз пяти держав не преследует другой цели, кроме содействия поддержанию всеобщего спокойствия, основанного на ненарушимости прав, которые обеспечены за каждым европейским государством существующими соглашениями и утверждающегося тем духом взаимного доброжелательства, которое соединяет в настоящее время всех членов европейской семьи в одну систему мира"²⁵. После Вены почти сорок лет Европа не знала больших войн. Фактически современная объединенная Европа берет начало от той далекой "эпохи конгрессов".

Какую же роль в этом европейском "концерте" сыграла Швейцария, которая получила "вечный нейтралитет" не столько для себя, сколько для всей Европы, что подчеркивало исключительность нового государства? Почему именно это государство смогло наполнить принцип нейтралитета новым смыслом и силой?

Конституция нового государства была принята 7 августа 1815 года. Она удивительным образом сочетала новаторские и традиционные элементы, причем последние были усилены по сравнению с периодом "Гельветической республики". Цель нового союза оказалась демонстративно противоречивой: обретение единого "международного лица" и сохранение максимальной независимости каждого кантона. Немногие дипломаты верили в успех такого рода государственного объединения, поскольку сохранялась напряженность между

"централистами" и "автономистами", грозящая гражданской войной. Самостоятельность и независимость кантонов во всех вопросах, кроме вопросов войны и мира, была подтверждена и усилена. Столица и федеральное руководство оставались условными и "переходящими". Каждый из 22 кантонов имел собственную конституцию и даже мог самостоятельно поставлять наемников в армии других государств. Вхождение в союз как "старых" кантонов, так и "новых", уравнивало соглашение разнонаправленными тенденциями. Можно говорить о том, что "вечный нейтралитет" просто вырос из внутренней логики развития этого народа и государства. Сначала он реализовался во внутренней кантональной политике, а уж затем был столь же постепенно и естественно перенесен в международную политику Швейцарии. Вопрос о целесообразности внутривнутриполитического "конкорданса" в XIX столетии, постоянное "качание" между федерализмом и унитаризмом в государственном строительстве в конечном итоге обернулись источником прочности этой страны. Постоянный поиск "точки равновесия" происходил не в кругах политической элиты и властных структурах, а вызревал в культуре, философии, политических мифах о "тираноборце" Вильгельме Телле и соглашении трех кантонов на "лугу Рютли". Незавершенность давала гибкость, постепенность решения обеспечивала его прочность.

Только такая страна могла пронести через века хрупкую идею "вечного нейтралитета" как необходимой части в устройстве "европейского дома".

стр. 126

Так только пластичный, "качающийся" дом может выдерживать удары землетрясений. Даже самый агрессивный гитлеровский вермахт не смог нарушить этот статус Швейцарии. Идея "встроить" в "европейский концерт" государство с "вечным нейтралитетом" стала определяющей для прочности всего проекта "новой Европы". Удивительно, что при наличии жестоких расхождений по "польскому" и "германскому" вопросам, где дело доходило до готовности к войне, по вопросу о "нейтралитете" Швейцарии споров среди победителей Наполеона фактически не было. Само понимание "нейтралитета" существенно менялось на протяжении двух веков, оставаясь постоянным только в одном отношении - абсолютно необходимым и признаваемым всеми.

Само понятие "нейтралитет" не раз подвергалось ревизии в течение XIX века. Дискуссии велись в связи с понятиями "добрые услуги", "посредничество" - термины, которые появились в протоколах заседаний Федеральной директории в 1816 году. Тогда выступавшего на заседании поверенного в делах России в Швейцарии барона Крюденера буквально забросали вопросами о смысле "нейтралитета", поскольку только что созданный Священный союз давал возможность воздействовать на внутривнутриполитические ситуации любых европейских стран. Крюденер отвечал, что нейтралитет исключает какое-либо вмешательство во внутренние дела Конфедерации даже под видом "Добрых услуг" и заверил, что "державы самым торжественным образом признали полную и абсолютную независимость Швейцарии"²⁶.

Нейтралитет подвергался жестоким испытаниям не только во время европейских войн, но и в связи с политическими и социальными бурями XIX века. "Великие державы" не устояли перед соблазном требовать от нейтральной Швейцарии выдачи политических эмигрантов. Первые претензии прозвучали уже в начале 1820-х гг. в связи с волнениями в Пьемонте, Ломбардии и Сардинском королевстве. 24 сентября 1823 г. в адрес Российского ведомства иностранных дел поступила нота от Федеральной директории, в которой Швейцария отвергала упрек об укрывательстве "бунтарей", но и отстаивала свое право нейтральной страны в предоставлении убежища для "несчастливых людей, застигнутых политическими бурями", обещая, впрочем, бдительность по отношению к "врагам порядка в Европе"²⁷.

Во время польского восстания 1830 - 1831 гг. николаевская Россия вновь была озабочена тем,

что на территории Швейцарии оказалось немало беженцев из Польши. В 1833 г. правительство кантона Во даже предложило ввести специальные условия пребывания для беглых поляков: категорический запрет на "подрывную деятельность" и участие во внутренних междоусобицах приютившей их страны²⁸. Аналогичная ситуация повторилась и после нового польского восстания 1863 года. А обширная политическая эмиграция из России в 1870 - 1890-е гг. и вовсе озаботила российскую власть. В дипломатических нотах в адрес Федерального собрания Швейцарской Конфедерации мелькают имена В. Засулич, С. Нечаева, В. Ленина. Но на нейтралитет Швейцарии не покушалась ни одна страна.

Напротив, уже в первые десятилетия после Венского конгресса, вплоть до 1848 г. нарастали свидетельства о необъяснимо высокой роли этой маленькой страны в международных делах. П. А. Крюденер в докладе министру иностранных дел России Нессельроде в 1826 г. писал, что "Швейцария, несмотря на всю ее слабость, единодушно считается в Европе достойной вполне определенного внимания, даже наблюдения", что значение Швейцарии определяется ее нейтралитетом и "прочностью внутренних установок" и станет особенно важным в случае войны²⁹. В своих оценках современники постоянно упоминают о "прозорливости" и неопределимой роли Александра I в

стр. 127

устроении нейтральности и независимости Швейцарии. Составляя инструкции для нового поверенного в делах России в Швейцарии Д. П. Северина в 1827 г., Нессельроде утверждал: "Швейцария является одной из основ, на которой покоится равновесие в Европе; тот вид политического существования, которое она ведет, образует один из элементов консервативной системы... и Россия должна желать того, чтобы это государство никому не подчинилось и ни от кого не зависело"³⁰. Уважение нейтралитета Швейцарии в напряженные моменты европейской политики только усиливалось.

"Эпоха революций" 1830 - 1840-х гг. не обошла Швейцарию стороной, что является косвенным свидетельством ее прочной "встроенности" в европейский мир. Отсутствие прочной федеральной власти, высшего судебного учреждения, общей армии, даже таких атрибутов, как столица, знамя, герб лишали страну возможности вести какую-либо внешнюю политику. "Условное государство" оказалось в слишком сильной зависимости от внешних гарантов ее "независимости", в первую очередь, Австрии. В 1830-е гг. в некоторых кантонах произошли революции, аналогичные европейским революциям в Бельгии, Польше, Греции, Франции. Европейские страны, в том числе и Россия, были чрезвычайно озабочены признаками напряженности и раскола в Швейцарской Конфедерации в 1830 - 1840-е годы. Д. П. Северин в 1832 г. получил из Петербурга тревожную депешу, которая предписывала ему связаться с лицами, которые помнят об "услугах, оказанных их родине державами в 1814 и 1815 гг.": "Отыщите этих людей, обратитесь к их совести, представьте им участь, которую они готовят своей стране, спеша разорвать узы, которые связывают их с союзными державами... нейтралитет и неприкосновенность Швейцарии... соответствуют подлинным интересам политики всей Европы..."³¹.

Внешнеполитические угрозы оказали консолидирующее действие для Швейцарии. На них была построена пламенная деятельность одного из "отцов-основателей" Швейцарской Конфедерации - Анри Дюфора. Благодаря его кипучей деятельности Швейцария обрела единую армию и знаменитый флаг с белым крестом на красном фоне, который стал восприниматься кантонами как общешвейцарский. Фактически в 1830 - 1840 гг. удалось уберечься от культурного сращивания с соседними государствами и осознать собственные государственные основания.

Политическое устройство Швейцарии по конституции 1815 г. в конце концов сменилось новой системой и Конституцией 1848 года. Из гражданской войны 1847 г. Швейцария вышла вновь с

парадоксальным результатом. Она стала более оформленной, сильной, авторитетной, сохранив все преимущества многоконфессиональности, многоязычности и вариативности политики. Произошла органическая, естественная внутренняя консолидация страны как раз до нужных пределов. Новая Конституция 1848 г., создавая минимум центральных структур Швейцарской Конфедерации, обеспечила государственный статус страны на международной арене, позволила вести дипломатическую работу и реализовать потенциал своей уникальной "вечной нейтральности". В стране изменилось многое, но осталось главное - принцип нейтральности во внешней политике. История доказала жизнестойкость этого принципа в Швейцарии.

Идея нейтралитета оказалась необычайно живучей и востребованной всеми европейскими странами. В конце XIX в. понятие "нейтралитет" вошло в учебники дипломатии. Ф. Ф. Мартенс в 1883 г. дал следующее определение: "Под нейтралитетом разумеется то положение, в котором находятся государства, не принимающие активного участия в войне, существующие между другими державами". Это не предполагало безразличия и равнодушия к евро-

стр. 128

пейским делам, напротив, развязывало руки незаинтересованной стороне в деле улаживания международного конфликта. "Нейтральные государства имеют право и обязаны предупредить, насколько возможно, возникновение всякой международной войны"³². К концу XIX в. понятие "нейтралитет" обрело в том числе юридический смысл нормы международного права с четким определением прав и обязанностей нейтрального государства.

Идея гарантированного нейтралитета одной страны и вообще "идея Швейцарии" как необходимого элемента "европейского дома" не была абстрактным изобретением Венского конгресса. Прочность и перспективность этой идеи лежала в самой Швейцарии, в ее уникальной истории и народном духе. Сама идея "вечного нейтралитета" определялась всей историей этой страны. Ни одна другая страна Европы при любых гарантиях извне не смогла бы удержаться в позиции нейтралитета, сделав его содержанием своей политики и дипломатии. Этот нейтралитет вовсе не означал тихого места на задворках европейской политики. Напротив, он оказался своего рода действующей моделью будущего устройства европейского дома, лабораторией по выработке правил игры в новой европейской политике.

Примечания

1. Письмо посланника России в Вене ПО. Штакельберга К. В. Нессельроде 27 июня/9 июля 1814 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Серия 1-я. 1901 - 1815. Т. 8. М. 1972, с. 59.
2. МАРТЕНС Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб. 1882 - 1883, с. 128.
3. ЕГО ЖЕ. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VII. Трактаты с Германиею. 1811 - 1824. СПб. 1885, с. 42.
4. Там же, т. III. Трактаты с Австриею. 1808 - 1815. СПб. 1876, с. 117.
5. ЕГО ЖЕ. Современное международное право..., т. 2, с. 539.
6. Записка К. В. Нессельроде 20 февраля/4 марта 1815 г. Внешняя политика России XIX и

начала XX в., т. 8, с. 210.

7." Инструкция К. В. Нессельроде представителю России в Швейцарии И. А. Каподистрии 29 октября/10 ноября 1813 г. Россия - Швейцария. Russia - Suisse. Russland - Schweiz. 1813 - 1955: Документы и материалы. М. 1955, с. 10.

8. Там же, с. 11.

9. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Канцелярия, оп. 468, д. 1513, л. 910об.

10. Донесение посланника России в Швейцарии И. А. Каподистрии Александру I 23 апреля/ 5 мая 1814 г. Россия - Швейцария, с. 18

11. Деша посланника России в Швейцарии И. А. Каподистрии статс-секретарю К. В. Нессельроде 5/17 мая 1814 г. Россия - Швейцария, с. 21.

12. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 6418, л. 2 - 2об..

13. Письмо генерал-лейтенанта Ф. -Ц. Лагарпа Александру I 8 - 9 ноября 1814 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 126 - 128.

14. Письмо И. А. Каподистрии Александру I 16/28 февраля 1815 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 206.

15. Донесение е.и.в., представленное статс-секретарем гр. Каподистрии о заведениях г. Фелленберга в Гофвиле в окт. 1814 г. СПб. 1817, с. 2, 47.

16. Письмо И. -Г. Песталоцци Александру I 10/22 ноября 1822 г. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468. 1816, д. 111056, л. 3.

17. Письмо Александра I Бентаму 10/22 апреля 1815 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 277.

18. Проект Акта Священного союза, составленный Александром I с поправками Франца I. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 504 - 505.

19. Письмо Александра I Францу I 13/25 сентября 1815 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 516.

20. Письмо Александра I, Фридриха-Вильгельма III и Франца I принцу-регенту Великобритании Георгу 14/26 сентября 1815 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 519.

-
21. МАРТЕНС Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, т. III, с. 460.
  22. Письмо И. А. Каподистрия поверенному в делах России в Швейцарии П. А. Крюденеру 26 февраля/10 марта 1815 г. Внешняя политика России XIX и начала XX в., с. 220 - 221.
  23. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. 33. 1815 - 1816. СПб. 1830, с. 176 - 177.
  24. Действующее международное право. Т. 1. М. 1996, с. 141 - 142.
  25. МАРТЕНС Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, т. VII, с. 317.
  26. Протокол заседания Федеральной директории 5/17 августа 1816 г. Россия - Швейцария, с. 29.
  27. Там же, с. 43 - 45
  28. Инструкция министра иностранных дел России К. В. Нессельроде поверенному в делах России в Швейцарии Д. П. Северину 13/25 июня 1833 г. Россия - Швейцария, с. 72.
  29. Доклад действительного тайного советника П. А. Крюденера министру иностранных дел России К. В. Нессельроде 16/28 ноября 1826 г. Россия - Швейцария, с. 46 - 47.
  30. Инструкция министра иностранных дел России К. В. Нессельроде поверенному в делах России в Швейцарии Д. П. Северину 14/26 января 1827 г. Россия - Швейцария, с. 50 - 51.
  31. Деша министра иностранных дел России К. В. Нессельроде поверенному в делах России в Швейцарии Д. П. Северину 3/15 марта 1832 г. Россия - Швейцария, с. 69, 70.
  32. МАРТЕНС Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов, т. 2, с. 532 - 533.